

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЧЕККО АНДЖОЛЬЕРИ В НЕИЗВЕСТНОМ ПОЛЬСКОМ
ПЕРЕВОДЕ ЛЕОПОЛЬДА СТАФФА

Владимир Василенко

В начале несколько предуведомительных строк. Как известно, Львов сыграл в судьбе Стаффа свою большую и трудно-переоценимую роль. Львовянин не только по происхождению, но и по некому духовному статусу жизненного уклада, поэт с ранних лет впитал в себя ауру этого города, где в каждом камне дышит эпоха, где так обостренно ощущается невидимое присутствие времени, где издревле в самобытно неповторимом сплетении соединились, переплелись между собой различные культуры. В его атмосфере формировались вкусы, пристрастия, ориентации молодого Стаффа, в том числе, и его так называемый “европоцентризм”. Ведь, как вспоминает Тимон Терлецкий,

Z woli losu Lwów mógł być miastem bardziej europejskim, bardziej stołecznym niż Kraków i oczywiście Warszawa. Stąd zamiast estetycznego “eskapizmu” Warszawy Miriama, zamiast “wyspiańszczyzny”, kompleksowego uwikłania w tradycję romantyczną, w swoiście polską problematykę literacką – Lwów tej doby charakteryzowała swobodna, wielostronna, twórcza współwibracja kulturalna z Europą.¹

Из этого города в самом начале века полный энтузиазма и творческих замыслов поэт совершал по весне нечто вроде паломничества — свои ежегодные выезды-эскапады в Италию. Немного-немало, а с 1901 по 1912 год около двенадцати выездов, самих по себе свидетельствующих о проснувшейся не меньшей, чем у его великих предшественников И.-В. Гете, Дж. Г. Байрона, Стендаля, Ц. К. Норвида, Т. Лернаровича, “итальяномании”. Действенность такого активного общения с материальной и духовной культурой иной страны, его далеко идущие последствия были более чем очевидны.

¹ T. Terlecki, *Ludzie, książki i kulisy*, Londyn 1960, s. 13-14.

Było przede wszystkim rozkochanie we włoskiej sztuce: architekturze, malarstwie, rzeźbie, zwłaszcza sztuce czasów Odrodzenia, którą Staff znał, cenił, do której w ciągu tych licznych podróży ciągle wracał jak do najbliższych znajomych, czerpiąc z niej podniety twórcze (w warstwie kulturowej, do której odwołuje się poezja Staffowska, Włosi odgrywają rolę ogromną,

— podkreśla Irena Machiewska.² В итоге весьма значительная часть литературного наследия автора оказалась под знаком непосредственного итальянского влияния. Это, к примеру, открывающий сборник “Gałąź kwitnąca” цикл “Echa italo-greckie”, куда вошли такие стихотворения, как “Wieść morza”, “W ruinach świątyni”, “Moriturus”, “Maska komiczna”, “Hora tańcząca” или же включенный в состав сборника “W cieniu miecza” “Трыптык sztuki włoskiej” с его разделами “Venezia”, “Firenze”, “Roma”. Это также обилие переводов с итальянского сочинений мировых классиков Леонардо да Винчи, Микеланджело, Франциска Ассизского, Челлини, Гольдони, д’Анунцио, чьи голоса зазвучали на польском в томиках, снабженных, как правило, обстоятельными историко-литературными предисловиями Леопольда Стаффа. По словам Марты Выки:

Zakres zainteresowań Staffa-tłumacza jest bardzo szeroki. Ta suma wiedzy i umiejętności zostaje również “przerobiona” na lirykę. Dlatego między innymi będzie to zawsze liryka obdarzona w silnym stopniu samoświadomością, poddana kontroli swojego twórcy, formalnie przemyślana, a nie intuicyjnie podążająca za nakazami natchnienia czy po prostu emocji.³

Нет нужды доказывать, что итальянская линия в творчестве этого поэта и переводчика изучена не только давно, но и с достаточной степенью полноты. Тем не менее, как оказалось, в знаниях о ней имеется все же пробел. Речь идет о том, что недавно во Львове нами разыскан автограф стаффовского перевода из средневекового поэта Чекко Анджольери — переведен сонет “Пожелания” считающийся жемчужиной его лирики.⁴ Имеющая справочная литература, в том числе “Новый Корбут”, “Словарь современных польских писателей”, стаффовская библиография и др., а также научные труды, посвящен-

² I. Maciejewska, *Leopold Staff. Lwowski okres twórczości*. Warszawa 1965, s. 66.

³ М. Выка, *Leopold Staff*. Warszawa 1985, s. 51.

⁴ Львовская научная библиотека им. В. Стефаника АН УССР. Отдел рукописей, фонд 76, ед. хр. 127.

ные изучению польского автора, об этом его переводе вообще ничего не упоминают, откуда можно заключить, что само его существование до сих пор остается незамеченным.

Чекко Анджольери (ок. 1260 — ок. 1312), современник и соотечественник великого Данте, был представителем плебейско-демократического крыла поэзии тогдашней Тосканы, — крыла, противостоящего в конце XIII века изысканно аристократическому течению в лирике так называемого “нового сладостного стиля”, главным объектом которого являлся рафинированный культ честной благой и прекрасной дамы, а ведущими приемами — формы, заимствованные в основном из обширнейшего пласта утонченной куртуазной поэзии. Следует особо подчеркнуть, что и при жизни, и после смерти поэт, не случайно получивший прозвище “разгульного”, “неистового”, однозначно воспринимался (и не без оснований на то) как литератор-бунтарь, дерзко восставший против традиций, общественных и моральных норм средневекового бюргерства, из которого он сам же и вышел. Анджольери дерзко противопоставил свою заурядно земную Беккину ангелоподобной дантовской Беатриче; охотно писал о могуществе и самооправданности человеческих порывов, стихии страсти, раскрепощенности и всесии индивидуума, одним словом, в его стихах дышит предвестие нового ренессансного мироощущения: то упоение жизнью, богатством ее возможностей, полнокровием бытия, которое стало таким приметным для наступавшей эпохи, уже ощущающей, хотя еще и не провозгласившей как кредо, человека “мерой всех вещей”. О пробуждении в недрах средневекового уклада этой могущественной во многом виталистической силы как-то высказался современник Стаффа русский поэт-символист Александр Блок: “...канун Возрождения. Беспокойное время, когда человек начинает требовать свободы, душа рвет церковные и государственные путы, тело расцветает под тяжелыми одеждами, воля побеждает разум; из могилы средневековья вырываются рядом с самыми высокими помыслами — самые низменные инстинкты; человеческой жизни сообщилось вихревое движение, она закружилась в весеннем хороводе”.⁵

Не удивительно, а скорее закономерно, что поэт именно анджольеровского строя мыслей и чувств мог привлечь к себе молодого Стаффа периода вызывающе бунтарских “Снов о могуществе” и

⁵ Блок А. Планы “Исторических картин”. План представления. / Блок А. Собрание сочинений в 8-ми томах, Москва-Ленинград 1961, том IV, с. 543.

“Кузнеца”. Внутренняя переключка здесь несомненна. В своем напарнике по поэтическому цеху Стафф усмотрел родственную душу, уловил объединяющий их эмоционально-психологический резонанс, и тогда появилось свободное переложение этого полного вызова всему и всем, пульсирующего переизбытком ликующего оптимизма, восторга перед открывающимися возможностями и уверенности в своих силах, дерзкого сонета “Пожелания”.

Прежде чем привести его польский текст, следует сказать, что найден он среди архивных материалов, оставшихся после Остапа Ортвина, известного критика начала века, также львовянина и, что стоит особо подчеркнуть, хорошего знакомого Стаффа. Как знать, может этот лишенный даты и указания на место своего возникновения перевод родился в 1905 г. во время их встречи в Италии? Во всяком случае, такое предположение видится не лишенным определенных оснований.

Życzenia

Cecco Angiolieri

Gdybym był wiatrem, świat–bym potargał na łachy!
 Gdybym był ogniem, wszystko na proch–bym pospalał!
 Gdybym był morzem, ziemie potopem–bym zalał!
 Gdybym był Bogiem, jakież–hej! rozsiałbym strachy.

A gdybym był papieżem – o, szalone śmicchy! —
 Hej! broiłbym na przekor swoim Chreścianom!
 Gdybym był królem, kazałbym dzikim brytanom
 Pod stryczek szczuć poddanych swych, tak dla uicichy!

Gdybym był śmiercią, zaraz moich bliźnich braci
 Nawiedziłbym troskliwie, choć życia postaci
 Nigdybym ich gościnnych progów nie przestąpił.

Gdybym był sobą — przecież jestem sobą właśnie!
 Przeto chce by mi pięknych dziewcząt nikt nie skąpił.
 Brzydkie wam podaruje — niech je piorum trzaśnie!

Przekład wolny Leopolda Staffa